



Владимир
КОРОЛЕНКО



ДЕТИ
ПОДЗЕМЕЛЬЯ
РАССКАЗЫ

Издательство АСТ
Москва
2026

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Серийное оформление и дизайн обложки
О. Жуковой

Иллюстрация на обложке *Н. Фёдоровой*

Короленко, Владимир Галактионович.
К68 Дети подземелья : рассказы / Владимир
Короленко. — Москва : Издательство АСТ,
2026. — 128 с. — (Лучшая школьная клас-
сика).

ISBN 978-5-17-186129-2

Владимир Короленко (1853–1921) — выдающийся русский писатель, журналист, публицист и общественный деятель, известный как «совесть России». Он был принципиальным правозащитником, выступавшим против репрессий как царской власти, так и большевиков, поднимая острые социальные темы.

Однажды мальчик Вася, сын городского судьи, вместе с друзьями забирается в старую часовню возле замка. Друзья испугались темноты и убежали, оставив его одного. Так Вася знакомится с Валеком и Марусей, обитателями страшного подземелья. Чему научился Вася благодаря дружбе с детьми из подземелья, юные читатели узнают из повести В. Короленко «В дурном обществе».

Повесть посвящена человеческому достоинству, жизненной стойкости и силе духа человека, мужеству и упорству в нелёгкой борьбе с обстоятельствами жизни.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186129-2

© Фёдорова Н.А., ил. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

(Из повести «В дурном обществе»)

1. РАЗВАЛИНЫ

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моем существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и напоминало любой из мелких городов Юго-Западного края.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное

украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной «заставой»¹. Сонный инвалид лениво поднимает шлагбаум, — и вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах темными воротами еврейских «заезжих домов»²; казенные учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками и с навесами калачниц. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в улич-

¹ Застава — ограждение при въезде в город. Устраивалась вначале для защиты от врагов, затем для сбора денег с проезжающих.

² Заезжие (или постоянные) дома (или дворы) — дома для проезжих, гостиницы.

ной пыли. Но вот еще минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся березы над могилами кладбища, да ветер волнуется хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полуразрушенный замок.

Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. «На костях человеческих стоит старое замчище», — передавали старожилы, и мое детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными

тополями и старым замком. От этого, понятно, замок казался еще страшнее, и даже в ясные дни, когда, бывало, ободренные светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадками панического ужаса, — так страшно глядели черные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и штукатурка, отрываясь, падали вниз, будя гулкое эхо, и мы бежали без оглядки, а за нами долго еще стоял стук, и топот, и гоготанье.

А в бурные осенние ночи, когда гиганты-тополи качались и гудели от налетевшего из-за прудов ветра, ужас разливался от старого замка и парил над всем городом.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У нее кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулко-го, с высоким тоном, медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бед-

няку без малейших ограничений. Всё, что не находило себе места в городе, потерявшее по той или другой причине возможность платить хотя бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в непогоду, — всё это тянулось на остров и там, среди развалин, преклоняло свои победные голóвушки, платя за гостеприимство лишь риском быть погребенными под грудями старого мусора. «Живет в замке» — эта фраза стала выражением крайней степени нищеты. Старый замок радушно принимал и покрывал и временно обнищавшего писца, и сиротливых старушек, и безродных бродяг. Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали свое существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Тогда старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям. Несколько дней на острове стоял такой шум, раздавались такие

вопли, что по временам казалось уж не турки ли вырвались из подземных темниц. Это Януш сортировал население развалин, отделяя «добрых христиан» от безвестных личностей. Когда наконец порядок вновь водворился на острове, то оказалось, что Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода. Это были все какие-то старики в потертых сюртуках и «чамарках»¹, с громадными синими носами и суковатыми палками, старухи, крикливые и безобразные, но сохранившие при полном обнищании свои капоры² и салопы³. Все они составляли тесно сплоченный аристократический кружок, получивший право признанного нищенства. В будни эти старики и старухи ходили с молитвой на устах по домам более зажиточных

¹ Чáмарка (чамáра) — городская национальная одежда из сукна типа сюртука, в талию, длиной выше колен, однобортная, с рядом мелких пуговиц и шнуровых петель от ворота до низу, с низким стоячим воротником; широко распространенная в середине XIX века у поляков.

² Кáпор — женский головной убор, завязывающийся впереди лентами.

³ Салóп — широкое женское пальто.

горожан, разнося сплетни, жалуясь на судьбу, проливая слезы и клянча, а по воскресеньям они же длинными рядами выстраивались около костелов¹ и величественно принимали подачки во имя «пана Иисуса» и «панна Богоматери»².

Привлеченные шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних, подлежавших изгнанию жильцов. Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные темные личности, запахиваясь изорванными донельзя лохмотьями, испуганные, жалкие и сконфуженные, совалили по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругатель-

¹ Костёл — католический храм.

² Пан, панна — форма вежливого обращения в польском языке.

ствами гоняли их отовсюду, угрожая ко-
чергами и палками, а в стороне стоял
молчаливый будочник, тоже с увесистой
дубиной в руках.

И несчастные темные личности поне-
воле, понурясь, скрывались за мостом,
навсегда оставляя остров, и одна за
другой тонули в слякотном сумраке бы-
стро спускавшегося вечера.

С этого памятного вечера и Януш,
и старый замок, от которого прежде вея-
ло на меня каким-то смутным величием,
потеряли в моих глазах всю свою при-
влекательность. Бывало, я любил прихо-
дить на остров и хотя издали любоваться
его серыми стенами и замшелю ста-
рою крышей. Когда на утренней заре из
него выползали разнообразные фигуры,
зевавшие, кашлявшие и крестившиеся на
солнце, я и на них смотрел с каким-то
уважением, как на существа, облеченные
тою же таинственностью, которою был
окутан весь замок. Они спят там ночью,
они слышат все, что там происходит,
когда в огромные залы сквозь выбитые
окна заглядывает луна или когда в бурю
в них врывается ветер.

Я любил слушать, когда, бывало,
Януш, усевшись под тополями, с болт-

ливостью семидесятилетнего старика начинал рассказывать о славном прошлом умершего здания.

Но с того вечера и замок и Януш явились передо мной в новом свете. Встретив меня на другой день вблизи острова, Януш стал зазывать меня к себе, уверяя с довольным видом, что теперь «сын таких почтенных родителей» смело может посетить замок, так как найдет в нем вполне порядочное общество. Он даже привел меня за руку к самому замку, но тут я со слезами вырвал у него свою руку и пустился бежать. Замок стал мне противен. Окна в верхнем этаже были заколочены, а низ находился во владении капоров и салопов. Старухи выползали оттуда в таком непривлекательном виде, льстили мне так приторно, ругались между собой так громко. Но главное — я не мог забыть холодной жестокости, с которою торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о темных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце.

Несколько ночей после описанного переворота на острове город провел